

В искусстве все, что можно купить, стоит дешево

Раскладывая по театроведческим полочкам творчество примадонны московского Театра сатиры Марины ИЛЬИНОЙ означало бы поверять алгеброй гармонию. У автора этих строк ее роли всегда вызывали, по выражению В.Набокова, "сияющую улыбку беспредельного удовлетворения, блаженное мурлыканье". Она играла практически во всех последних спектаклях Валентина Плучека, работала с рано ушедшим из жизни талантливым Михаилом Зонненштралем, продолжает сотрудничать с Юрием Васильевым. Ее Катарина в шекспировском "Укрощении строптивой" буквально ошеломляет и зал, и партнеров своей мощной энергией и шармом. А провинциальная уповатая девчонка-переросток, лишенная людской любви и ласки, в "Неаполе — городе миллионеров" вызывает острое чувство жалости и сострадания. Одна из последних работ Марины — Сашенька Негина в "Талантах и поклонниках" А.Н.Островского — открыла в актрисе новые грани: к природному изяществу, пластичности, яркой театральности, музыкальности прибавились мудрость, мягкость и какая-то извечная актерская тоска о лучшей доле. Театралы знают Марину и по работе в "подвальной" студии Алексея Левинского, где она несколько лет играла страстную и роковую Кармен.

В прошедшем сезоне официально праздновалось 80-летие Театра сатиры, в котором Марина служит уже почти 20 лет. Между тем беседа наша началась вовсе не юбилейный характер.

— Помнится, вы рассказывали, что театр вас увлек еще в пятилетнем возрасте, когда вы заявили маме, что непременно будете актрисой. Чем вас в детстве так поразил театр?

— Желание быть актрисой — это прежде всего стремление к яркой и красивой жизни. Это же сказка: бесконечные превращения, яркие костюмы, грим, свет. Для маленькой девочки — это настоящее потрясение. Потом, окупившись в будни, ты понимаешь, что сказки бывают разные, в том числе и про Змея Горыныча, и про Кошечку Бессмертного. И от многих этих персонажей зависишь, к сожалению, твоя жизнь и судьба.

— До восемнадцати лет вы жили в Риге. Чувствовали ли вы, приехав в Москву, разницу между прибалтийским менталитетом и российским? Помогал он вам в жизни или мешал?

— Я уже больше 20 лет в Москве. И менталитет у меня российский. А сначала "прибалтийский нордический", давленный, скрытый темпе-

рамент мне мешал, потому что разнился с моей природой. И мне пришлось преодолевать какие-то свои тайны и, я бы даже сказала, комплексы, чтобы на сцене быть более открытой, более откровенной. Прибалты — люди сдержанные. Думаю, что человек любой национальности, пожив там, начинает медленнее ходить, стоять на светофорах и упорно ждать зеленый свет, хотя за километр от него никаких машин нет. Есть определенные условности, которые он соблюдает. Когда я приехала в Москву учиться, то долго не могла понять, почему люди переходят дорогу, где захотят, почему все громко разговаривают и быстро ходят. Очень скоро я поняла: если я не попаду в этот ритм, то просто ничего не успею сделать в жизни. То ли кто-то из педагогов, то ли уже в театре мне сделали комплимент, что у меня прибалтийское воспитание. Может быть, в жизни оно мне и помогло, потому что я пыталась всегда быть сдержанной, никогда не совать нос в чужие дела, держать определенную дистанцию в общении. Может быть, это отчасти и стало моей сутью.

— Вы учились в Школе-студии МХАТа, это воспитание тоже никогда не выправить?

— У меня были совершенно фантастические педагоги, невозможно было не поддаться человеческому и актерскому обаянию Олега Ефремова, Андрея Мягкова, Аллы Покровской. Мы смотрели на них как на богов, которые спустились к нам с Олимпа. Уровень личностей был такой, что по сей день я благодарю Бога за ту высокую планку в профессии, которую когда-то мне поставили мои педагоги и школа.

— Проявляется ли ваша сдержанность на сцене? Влияют ли менталитет и воспитание, например, на амплуа?

— Конечно, твоя суть в любом случае выплескивается на сцене, ведь каждый человек — носитель какой-то своей данности. Мы выходим на сцену, и она нас "просвечивает". Выдает все: голос, пластика, то, как выглядишь сегодня, опухшие ли у тебя глаза, неприятности ли у тебя дома, температура ли у тебя, волнуется ли тебя что-то за кулисами. Я не знаю ничего по поводу амплуа, но что касается общего поведения на сцене — и менталитет, и воспитание, и культура, и твоя душа, и доброта, и ненависть, и свет или мрак, который ты излучаешь, — все это, безусловно, просвечивается. Вообще я считаю, что амплуа очень ограничивает актера. Мне жаль актеров, которые (то ли в силу своей индивидуальности, то ли вследствие других обстоятельств) всю жизнь так и не

М.Ильина — Сашенька Негина в сцене из спектакля "Таланты и поклонники"

могут выйти из своего однообразного амплуа.

— Я на многих ваших спектаклях буквально заряжался положительной энергией. А вас сцена может зарядить оптимизмом?

— Да еще как! В этом и состоит "наркомания" профессии, когда ты на спектакле можешь уйти от всех проблем и максимально насытиться положительными эмоциями, то есть тем, что жизнь не может тебе предоставить. И какое-то время после спектакля ты еще по инерции летаешь. А если еще и спектакль удачный, если еще энергетически все совпало, выходишь и на самом деле забываешь все проблемы. Когда я возвращаюсь после хорошего спектакля домой, включаю музыку так, что не слышу клаконов едущих рядом со мной машин. У меня другая скорость, такое ощущение, будто летишь.

происходит в театре, сменяется на полное безразличие. Я становлюсь мудрее.

— Вы абсолютно покорны режиссеру или иногда тихой сапой отстаиваете свое видение роли?

— Если я в чем-то уверена, если эта уверенность течет в моих венах и я ничего не могу сделать с собой, тогда я понимаю, что и режиссер ничего со мной не сможет сделать. Если я вижу в режиссере волю, талант и знание профессии, то такой режиссер меня покоряет. К сожалению, есть режиссура неинтересная, малопрофессиональная и ничего не имеющая общего с творчеством. С такой я воюю, сопротивляюсь, пытаюсь сама выплывать из ситуации, когда режиссер не может помочь.

— И часто такое бывает?

— Увы, более чем. Режиссер не может быть "человечиком", не иметь своей позиции, не знать, чего он хочет от театра, от государства, от жизни. Иначе что он мне может дать, чему научить? И все же с режиссерами я пытаюсь быть корректной. Я не люблю работать в негативе, в конфликте и не люблю воевать. Очень долго терплю, но, когда внутри меня зреет война, я понимаю, что меня "несет", и я не могу сдерживаться, тогда — катастрофа.

— В Театре сатиры вы сразу оказались "в своей тарелке"?

— Я бы так не сказала. Театр сатиры — это отдельная история, отдельный институт, созданный Валентином Николаевичем Плучеком. Это определенный уровень культуры, за который он всегда боролся. Прошли годы, его нет, а я чуть ли не каждый день вспоминаю Валентина Николаевича и понимаю, какое счастье, что жизнь подарила мне эту встречу!

— В чем была загадка Плучека?

— Загадка была в большой культуре этого человека. Он глубоко знал литературу, образительное искусство. Иногда его мизансцены были похожи на иллюстрации известных картин. Он двигал актерами, как фигурками, он разбирался в цвете, в сочетании музыки и композиционной расстановке этих фигур. У него было великое чувство юмора. Он великолепно знал поэзию, до конца своих дней читал строки своих любимых поэтов, с которыми был знаком. Он иногда даже разговаривал стихами. Ему Бог дал такой дар существовать... "над". Поэтому он был непредсказуем. У него были высокая культура и безупречный вкус.

— Мне со стороны кажется, что многие актеры, попадая в ваш театр, почему-то утрачивают чувство меры. Начинают утрировать, "хлопотать физиономией", тянуть

одеяло на себя. Это что — непременный признак Театра сатиры?

— Надеюсь, что нет. На самом деле всю свою жизнь Плучек положил на то, что бы создать умную, талантливую и образованную труппу. Но есть условности жанра, которые иногда уведут актера от сути, и он начинает заигрывать и терять чувство меры. Это очень зыбкая вещь, поэтому вкус и мера — на личной совести каждого актера.

— Два-три года назад вы говорили о чудесной сатиrowsкой "семье". Вы по-прежнему относитесь к ней так же?

— Семья — очень тонкая и хрупкая вещь. А театральная семья похожа на ювелирное изделие, когда несколько десятков бриллиантов, изумрудов, жемчужин находятся в одной оправе. Какой же должен быть ювелир, чтобы они заиграли вместе! В театре от старой семьи остались близкие и родные мне люди, талантливые, умные, благородные, которых я обожаю и без которых я не смогла бы жить. И их, к счастью, много.

— Есть ли в нынешнем Театре сатиры то, что вас не совсем греет?

— И "не греет, и не светит". Театр — это часы: когда ломается главный механизм, то часы останавливаются. А если в швейцарские часы вставить механизм со Второго часового завода, вряд ли они пойдут.

— О вашей Негине из "Талантов и поклонников" можно говорить много, но я задам один вопрос: важно ли для вас, что она актриса?

— Роль сложнейшая и неоднозначная. Конечно, она прежде всего актриса, во имя этого совершаются все ее поступки и даже предательство. И все же самое главное и интересное — играть человека и его суть. Нет человека, нет хорошего актера. Я точно знаю одно — Негина хорошая актриса, потому что она — чистый и хороший человек, хотя и очень сложный.

— Я, как и многие зрители, не могу забыть вашу Кармен в студии Алексея Левинского. Помнится ли она вам до сих пор?

— Я очень благодарна Алексею Левинскому, что много лет назад он пригласил меня на эту роль. Это была интереснейшая работа, совершенно другой театр, другой уровень режиссуры. Левинский — один из немногих режиссеров (по крайней мере, в моей жизни), который про свой спектакль знал все с первого до последнего дня репетиций. Прошел не один год, пока я поняла, что именно режиссер вкладывал в эту работу, что означали звуки, движения. В спектакле имел смысл любой поворот головы. Я всегда вспоминаю эту

работу, хотя это была не совсем моя роль, потому что любовь Кармен — жесткая, эгоистичная, категоричная, это мне несвойственно в жизни. Но вообще роли на сопротивление иногда получаются гораздо интереснее, потому что в них соединяются разные характеры.

— Знаю, что актеров не принято спрашивать о мечте, но тем не менее спрошу в надежде, что она сбудется. Вы когда-то мечтали сыграть Анну Каренину...

— Я действительно мечтала и до сих пор мечтаю сыграть Анну Каренину. Когда я прочитала роман впервые, мне было лет 15. Мне кажется, что это грандиозная женская роль, в которой можно сыграть, наверное, практически всю свою жизнь. К сожалению, никто не предлагает. Я достаточно пассивный человек, чтобы закрутить эту историю самой, но где-то внутри сидит эта еще не умершая мечта, еще не погребенная идея. Мне кажется, что мечту никогда не надо "двигать", это либо само по себе состоится, либо нет. К сожалению, мы не можем играть все то, что хотим.

— А нельзя ли все же попытаться инициировать этот процесс?

— Но как? Нельзя ведь сказать режиссеру: "Я нашла деньги, хочу сыграть Каренину!" Мне кажется, что режиссер должен увидеть только меня в этой роли: с моими руками, глазами, голосом, с моей женственностью или, наоборот, мужеством, с моими мозгами, манерой исполнения и т.д. Мне кажется, что это Божье дело, должны сойтись звезды. Актер, режиссер, композитор, постановщик, Господь Бог и площадка должны сойтись, и то не факт, что все получится. Иногда собираются талантливейшие люди, но ничего не получается. А бывает, что события никто не ожидает, но вдруг "Бог поцеловал" — и оно произошло! Поэтому ходить по кабинетам, просить... Это не для Анны Карениной. Слишком сопротивляется всему этому персонаж.

Да и вообще все, что можно купить, — уже дешево. Есть вещи, не подлежащие никаким законам бытия. Мечта — это рождественский подарок под елкой. Как ни странно, все мои мечты всегда сбывались, но гораздо позже, когда все по счетам уже оплачено и заработано. У меня только один Маг и Волшебник — мой муж. Очень приятно хоть изредка чувствовать себя маленьким капитаном ребенком, и я благодарна судьбе за эту сбывшуюся мечту.

Беседу вел
Павел ПОДКЛАДОВ
Фото Михаила ГУТЕРМАНА